

ЧТО ВЫСТОИТ ПОД УДАРАМИ ВРЕМЕНИ?
Упражнения Братства «Общения и освобождения»
Римини, 12 апреля 2019 г.

Запись введения, сделанного Хулианом Карроном

Пожалуй, никогда мы не приезжали сюда со столь ясным осознанием, что не в наших силах сохранять прекрасные вещи, происходящие в жизни. И пожалуй, сегодня мы лучше, чем когда-либо, сознаем, насколько нуждаемся в том, кто в состоянии выдерживать удар времени, а значит, и отвечать на нашу бесконечную нужду в долговечности.

Помолимся Духу Святому, единственному способному выстоять и исчерпывающе ответить на составляющее нас желание полноты.

Гимн Святому Духу

Начну с чтения телеграммы, которую направил нам Святейший Отец: «По случаю ежегодных духовных упражнений для членов Братства „Общения и освобождения“, проходящих в Римини на тему: „Что выстоит под ударами времени?“, понтифик сердечно приветствует всех участников и высказывает пожелание, чтобы память о жертве Христовой и о Его воплощении в истории становилась конкретной помощью, которую Бог Отец оказывает нам, позволяя преодолевать любые превратности и любую посредственность сегодняшнего дня. Папа Франциск призывает вглядываться в знамения времени и распознавать в многочисленных историях святости возможность созидания Его жилища в мире. Вместе с тем он от всего сердца по заступничеству Девы Марии преподает вам апостольское благословение, с радостью распространяя его на всех присутствующих, на ваши семьи и на все Движение. Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь Его Святейшества».

1. Неустрашимый вопрос

Меня глубоко поразил интерес, вызванный вопросом, который мы вынесли в тему этих совместных дней: «Что выстоит под ударами времени?» О нем говорит количество ваших писем – их две тысячи. Я по-настоящему вам благодарен за помощь, которую вы оказываете мне на нашем общем пути. Это уже случилось в общении со студентами: получив тот же самый вопрос, они ощутили весь его вызов. Но для нас, взрослых, проблема становится еще важнее, ведь мы живем дольше, история за нашими плечами длиннее, а значит, и данных для ответа у нас больше. Мы решили поставить в центр духовных упражнений Братства тот же вопрос, поскольку и нам надлежит проделать такую же проверку.

Многие из вас получили его с удивлением, а удивление повлекло за собой прежде всего благодарность. «Я ощутила, как меня охватила огромная благодарность», – пишет одна из вас. Другой человек говорит: «Позволь поблагодарить тебя за вопрос, который ты пожелал разделить со всеми нами. Ты вернул нам сознание о том, что каждый является частью харизмы, повлиявшей на нашу жизнь и позволяющей нам быть здесь сейчас, чтобы всерьез принимать твой вопрос». И еще: «С бесконечной благодарностью жду упражнений. Мое сердце, пусть часто и утомленное, ожидает. Ожидает чего? Вновь услышать, как Он говорит, поскольку ничто так не наполняет мое сердце и не бросает такой вызов моему разуму, иными словами ничто так не возвышает мою человечность! Какая благодать мне выпала!»

Интерес, пробудившийся во многих из вас, указывает на то, что вопрос вы восприняли не отвлеченно, он имеет экзистенциальный характер и задевает в нас некий обнаженный нерв, затрагивает важнейшую жизненную проблему, от которой нельзя увернуться. Продемонстрированный вами интерес свидетельствует, насколько остро мы ощущаем потребность в чем-то

долговечном. И это поражает еще больше, если вспомнить, что мы живем в «жидком обществе» и должны бы уже привыкнуть к тому факту, что ничто не вечно. И правда, довольно и одного взгляда на ситуацию, на образ жизни, присущий многим из нас, юным и зрелым, – и нам откроется непрочность и неустойчивость, непрестанная пляска противоречивых понятий. Часто нас затягивает в водоворот привязанностей, чувств, где все складывается и распадается слишком стремительно. В результате мы легко становимся жертвами разочарования. Кажется, ничто не выдерживает, время разъедает и опустошает все; случившееся вчера больше не захватывает нас, утрачивает свое очарование.

Джорджо Габер говорил об этом в песне «Нелогичная радость»: «Я знаю про мир и про все остальное, / я знаю, что все идет прахом»¹. Ему вторит Васко Росси: «Ничто не вечно, ничто не вечно, / И ты это знаешь»².

Однако, если ничто не вечно, почему же мы никак не успокоимся, почему мы пытаемся укротить или усыпить эту неотложную нужду, прибегая к помощи лекарств, как герой последнего романа Мишеля Уэльбека? Серотонин, пишет тот, – «это маленькая белая овальная таблетка с риской. Она не создает и не изменяет, она интерпретирует. Некогда окончательное превращает в преходящее, неминуемое – в случайность. Она формирует новую интерпретацию жизни: менее богатую, более искусственную, отмеченную определенной оцепенелостью. Она не приносит никакого счастья и не дает подлинного облегчения, ее действие другого рода: преобразуя жизнь в серию формальностей, она делает возможным обман. И тем самым помогает людям жить или по крайней мере какое-то время не умирать. И все же в конце концов смерть берет свое, молекулярная структура дает трещину, и процесс распада возобновляется»³.

Вопрос, звучащий на этих упражнениях, нельзя подавить, он возвращается во всей своей абсолютной неизбежности. «Эта драма [жизни]... – хотя порой ее и принимают за игру, а всевозможные скептики и счастливые невежды относятся к ней легкомысленно, – есть *единственная* драма. И от нее нельзя убежать, не отказавшись одновременно от жизни. В общем, драма серьезна, и наша жизнь не фарс по одной простой причине: она уникальна, и своей ролью ни с кем нельзя поменяться, от нее можно лишь отказаться»⁴.

2. Серьезное отношение к вопросу – первый жест дружбы

Первый дружеский жест по отношению к самим себе и друг к другу состоит в том, чтобы не устранять вопрос и принимать его всерьез. Для больного человека первый дружеский жест по отношению к самому себе состоит в том, чтобы всерьез принять собственную болезнь. Все просто. Если же болен твой друг, первый дружеский жест по отношению к нему – призыв позаботиться о себе. Обратный подход – пустить все на самотек и продемонстрировать таким образом отсутствие любви к себе.

Поэтому на первой же странице книги «В поисках человеческого лица» отец Джуссани предупреждает нас: «Главное препятствие на человеческом пути – небрежение нашим „я“». И следовательно, первый шаг на человеческом пути – «противоположность подобного „небрежения“», то есть «интерес к собственному „я“», к собственной личности. Интерес этот может показаться очевидным, но «он таковым вовсе не является». Действительно, достаточно посмотреть на наше привычное поведение, чтобы увидеть «какие обширные пустоты обнаруживаются в повседневном течении наших мыслей, какие провалы в памяти»⁵.

¹ *L'illogica allegria*. Слова А. Лупорини, музыка Дж. Габера.

² *Dannate nuvole*. Слова и музыка В. Росси.

³ М. Houellebecq. *Sérotonine*. Paris: Flammarion, 2019. P. 346.

⁴ D. de Rougemont. *La définition de la personne* // *Esprit*. Décembre. 1934. P. 373.

⁵ Ср. Л. Джуссани. В *поисках человеческого лица*. Милан – Москва: Христианская Россия, 1997. С. 3.

Вот почему первое условие, о котором напоминает нам отец Джуссани, – именно любовь к самим себе, которая по отношению к себе есть первый жест дружбы. «Если этой... любви к человечности – не любви к человечности как к эстетическому объекту, рассматриваемому и трактуемому поэтически, а человеческой любви как привязанности, полной уважения и сострадания, милосердия по отношению к самим себе, любви, выражающейся в том, чтобы иметь к себе чуть-чуть той привязанности, какую твоя мать испытывала к тебе, особенно, когда ты был маленьким (да и когда ты вырос тоже), – если такой любви хотя бы отчасти нет в вас, если вы не испытываете ее к самим себе, то вам словно недостает почвы для созидания»⁶.

И значит, «первое условие для того, чтобы... Движение осуществлялось как событие... состоит именно в чувстве собственной человечности, в „любви к себе“»⁷. «Вот в чем начало, первейшее начало, – пишет Этти Хиллесум, – принятие себя всерьез... Такой же труд можно совершать и для ближнего: все больше вести его по направлению к самому себе, хватать его и останавливать в побеге от самого себя, и брать его за руку, и сопровождать к его истокам»⁸.

Только тот, кто в силу переживаемой на опыте любви к себе не списывает со счетов вопрос, в состоянии задавать его и другим. И потому настоящий друг – это человек, задающий вопрос, как задал его нам отец Джуссани: «Что выстоит под ударами времени?»⁹ Вопрос этот вынуждает нас быть самими собой и не пренебрегать нашим „я“, он не позволяет нам скатиться в пустоту. Многие из вас написали об этом. Прочитаю лишь некоторые отрывки: «Спасибо, что вывел меня из оцепенения, послав мне вопрос: „Что выстоит под ударами времени?“». «Я подумал, что твой вопрос мог стать вопросом, обращенным именно ко мне, а не просто заданным ради проформы, когда по обыкновению думаешь, что кто-нибудь да ответит». «Спасибо за твой вопрос, который „преследует“ меня с тех пор, как я его прочла, и не оставляет в покое. Спасибо за то, что ты побуждаешь нашу свободу и призываешь каждого из нас в обстоятельствах нашей жизни доходить до самой сути вещей». «Прежде всего хочу сказать тебе, что твой вопрос господствовал в моей повседневной жизни, по-настоящему сопровождал меня, когда я открывал глаза утром и закрывал их вечером».

Речь в конечном счете идет о неизбежном вопросе. Стоит померкнуть опыту, переживаемому в отношении с другом или любимым человеком, и он возникает, пусть даже в нем может звучать нотка скептицизма: раз рухнула даже такая дружба, такая любовь, что же тогда способно выстоять?

У Франческо Гуччини есть одна песня, *Farewell*, описывающая этот феномен. В ней говорится об истории любви, подошедшей к концу: «Тогда легко было проживать каждый час», «нам казалось, мы нашли тайный ключ от мира», «встречаться вновь было как заново рождаться. / Но в каждой истории есть одно и то же разочарование, завершение, и грех думать, что обычная история может быть особенной. Теперь время изнашивает нас и дробит нас на части»¹⁰.

О том же опыте свидетельствуют и многие ваши письма, как, например, следующее: «С возрастом я стала жестче, я защищаюсь от происходящего, чтобы не страдать. Вот в чем правда: время умерщвляет, оно проводит безжалостный отсев, выявляя все то, что не сохранилось. А сохранилось недостаточно, и, когда я это понимаю, меня охватывает сильный страх. Тогда я наслаиваю забвение, скрываю, темню, порой даже отказываюсь наслаждаться чем-то хорошим, лишь бы не проявилась безутешная боль, лишь бы она не разверзла бездну, которую я уже не смогу закрыть. Во мне преобладает своего рода вялость. Я, подобно старикам, устраиваюсь поуютнее в обрядах и привычках, аккуратно оставляя за рамками некоторые стороны

⁶ L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. Milano: BUR, 2008. P. 291.

⁷ L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. Milano: BUR, 2009. P. 8.

⁸ E. Hillesum. *Il bene quotidiano*. Cinisello Balsamo (Milano): Edizioni San Paolo, 2014. P. 44.

⁹ Ср. X. Каррон, Л. Джуссани. *Живет то, что живет в настоящем!* С. 8.

¹⁰ *Farewell*. Слова и музыка Ф. Гуччини, 1993.

моей жизни. В конечном итоге и мой опыт в Движении превратился в этукую „старую те-тушку“, к которой я привязана; он, как ни печально, напоминает безопасное одеяло Лайнуса¹¹, анестетик, со временем вызывающий привыкание и уже больше не действующий. Я понимаю, что загвоздка именно здесь, что, чем больше я пытаюсь контролировать, чем больше приберегаю для себя, тем меньше спасается, тем меньше воскресает. Я знаю, мне нужно научиться жертвовать то, от чего больнее всего, с чем я не могу разобраться и что в лучшем случае мне удастся спрятать, как грязь под ковром».

К такому же горькому выводу приходит и поэтический гений Бодлера: «Моя весна была зловещим ураганом, / Пронзенным кое-где сверкающим лучом; / В саду разрушенном не быть плодам румяным – / В нем льет осенний дождь и не смолкает гром. / Душа исполнена осенних созерцаний; / Лопатой, граблями я, не жалея сил, / Спешу собрать земли размоченные ткани, / Где воды жадные изрыли ряд могил. / О новые цветы, невиданные грезы, / В земле размоченной и рыхлой, как песок, / Вам не дано впитать животворящий сок! / Все внятней Времени смертельные угрозы: / О горе! впившись в грудь, вливая в сердце мрак, / Высасывая кровь, растет и крепнет Враг»¹².

Мы боимся, что в конечном итоге все превращается в ничто, все обман или видимость, как говорит Монтале: «Однажды поутру в воздухе стеклянном / Я, обернувшись, может быть, увижу чудо: / Пустыню с голым дальним планом – / И испугаюсь, как пьянчуга»¹³.

Гуччини, Бодлер, Монтале не позволяют нам вернуться к повседневности такими, какими мы были прежде, потому что они ставят нас перед крайней жизненной необходимостью. Их скептицизм или нигилизм вынуждают нас еще серьезнее считаться с вопросом. А иначе мы живем в отчаянии. Об этом пишет Уэльбек: «Лишенный как желаний, так и причин жить... я поддерживал отчаяние на приемлемом уровне; можно жить, будучи отчаявшимися, по сути большинство людей так и живет; порой они спрашивают себя, нельзя ли им позволить себе глоток надежды... и в конце концов дают отрицательный ответ. И все же упорно продолжают, и видеть это трогательно»¹⁴.

Однако друг – не только тот, кто задает вопрос, он еще и не отступает перед его масштабом, перед его неотложностью, не сбегает и не отвлекается; друг – не только тот, кто задает вопрос, но и кто принимает его всерьез. Мы приехали на упражнения для этого: чтобы нам помогли жить по истине, без необходимости смотреть в другую сторону оттого, что мы всего страшимся, оттого, что нас пугает ничто.

«Кто помогает мне в моих трудностях и в моем одиночестве? – спрашивает один человек. – Кто сопровождает меня в принятии сложных решений? Как может быть спасено мгновение моей жизни? Со временем, после тридцати лет опыта, обогащенного даром веры, все частичные цели, которые я ставил и продолжаю ставить перед собой (некоторые уже достигнуты), неизбежно оставляют место для постановки этого вопроса. Сейчас ради меньшего [чем серьезное отношение к вопросу] мне не хочется даже пальцем шевелить ни в семье, ни на работе, ни с друзьями, ни уж тем более с незнакомыми людьми».

3. Ожидание

Наш приезд сюда говорит о готовности поддерживать друг друга в борьбе, которую ведет каждый из нас, в борьбе между тем, что уже ничего не ждешь, и невозможностью не считаться

¹¹ Речь о Лайнусе ван Пельте, персонаже известной серии комиксов *Peanuts*. Он почти никогда не появляется без своего синего безопасного одеяла. Термин «безопасное одеяло» вошел в психологию для обозначения чего-то, за что человек хватается, чтобы достичь психологической уверенности и спокойствия. – *Примеч. ред.*

¹² Ш. Бодлер. *Враг* (из сб. *Цветы зла*). Пер. Эллиса.

¹³ Э. Монтале. *Однажды поутру...* Пер. Е. Солоновича. (*Forse un mattino andando in un'aria di vetro... // Ossi di seppia*).

¹⁴ М. Houellebecq. *Op. cit.* P. 221.

с составляющим нас желанием счастья, счастья долговечного, не растворяющегося в течение одного дня или одного сезона.

Как остра и как распространена драма людей, думающих, что ответа на их вопрос нет, но в тоже время неспособных этот вопрос устранить. Толстой писал: «Человек оглядывается вокруг себя и ищет ответа на свой вопрос и не находит его. Он найдет вокруг себя учения, которые ответят ему на вопросы, которых он и не делает себе, но ответа на вопрос, который он ставит себе, нет... <...> И человек сознает себя одним во всем мире с теми страшными вопросами, которые разрывают его душу»¹⁵. Одним.

Иногда даже в друзьях мы замечаем страх перед определенными вопросами, как рассказывает один из вас: «Несмотря на все, что я пережил, услышал и увидел, в настоящий момент, когда ты задаешь мне вопрос, я отвлекаюсь, чтобы не впасть в отчаяние, поскольку бремя жизни слишком тяжело, особенно – страх, что вещи не вечны, что они исчезают. Время идет, и ничего не остается. Поднимая эти проблемы в разговорах с друзьями, я чувствую себя марсианином, который „слишком заикливается на смысле жизни и боится смерти“. И потому я отступаю и остаюсь наедине с собой, и, мне кажется, ничто не выдерживает удар времени».

Но именно этот разрывающий душу вопрос толкает Борхеса на непрестанные поиски возможного ответа: «Буду до скончания дней моих без усталости искать Его повсюду»¹⁶, обязуясь, таким образом, оставаться по-настоящему честным с самим собой.

Иногда кажется, что задавать себе вопрос – сумасшествие. И все же неотложная потребность, о которой мы говорим, настолько неотъемлема от нас, что, наперекор любому видимому здравому смыслу, честный человек не в силах от нее избавиться. Вот почему Камю голосом Калигулы бунтует и вопиет об истине такой неизбежной неотложности: «И все-таки я не сошел с ума, наоборот, я рассудителен как никогда. Просто я внезапно почувствовал, что мне нужно невозможное. <...> На мой взгляд, существующий порядок вещей никуда не годится. <...> Этот мир, такой, как он есть, выносить нельзя. Поэтому мне нужна луна, или счастье, или бессмертие, что-нибудь пускай безумное, но только не из этого мира»¹⁷.

Ответ найти трудно, и потому мы порой спрашиваем себя, не сон ли – то, что мы ищем. Испанский поэт Антонио Мачадо не только набирается смелости, чтобы всерьез поставить перед собой этот вопрос, но и указывает на условие, которое поможет распознать знаки ответа, если вдруг они появятся. Он пишет: «Сердце мое, ты уснуло? / Не возвратятся рои / грез моих? Высох колодец, / мысли таивший мой? / Только лишь тьму извлекают / к свету пустые бадьи? / Нет, мое сердце не дремлет, / не погружается в сны, / но неустанно внимает / знакам с другой стороны, / слушает что-то на кромке / этой большой тишины»¹⁸.

Когда мы относимся к жизни серьезно, она ведет нас туда, на берег большой тишины, или Тайны, перед которой мы можем только замереть с глазами ясными, открытыми, чистыми, ожидая от самой Тайны какого-то знака, прислушиваясь к ее сигналам. Лишь тот, кто пребывает в позиции такой изначальной открытости, в состоянии уловить ответ на желание сердца, когда он появляется, когда он вторгается в жизнь, и распознать его приметы. Задавая себе вопрос, позволяя ему развернуться, мы становимся внимательны к любым крохам ответа, где бы они нам ни встретились.

Об этом прекрасно говорится в стихотворении Патрицио Барбаро: «Око смотрит. <...> Оно единственное может заметить красоту... красоту видно, потому что она жива, а значит, реальна. Скажем лучше, может так стать, что ты ее увидишь. <...> Проблема в том, чтобы, имея глаза, не уметь видеть, не смотреть на происходящее. <...> Закрытые глаза. Глаза, которые больше не видят. В которых нет любопытства. Которые уже не ждут, что что-то произойдет. Потому,

¹⁵ Л. Н. Толстой. *О жизни* // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 26. М.: Худ. лит., 1936. С. 340.

¹⁶ Х. Л. Борхес. *Христос на кресте*. Пер. П. Грушко.

¹⁷ А. Камю. *Калигула*. Акт I, сцена IV // *Избранное*. М.: Радуга, 1988. С. 417.

¹⁸ А. Мачадо. *Сердце мое, ты уснуло?..* Пер. П. Грушко.

возможно, что они не верят в существование красоты. Но Она проходит по пустыне наших дорог, стирая конечный предел и наполняя наши глаза бесконечным желанием»¹⁹.

4. Непредвиденное

Красота проходит рядом, случается, не спрашивая нашего разрешения и бросая вызов любому скептицизму, любому нигилизму. И если человек внимателен, он может уловить ее. А что он уловил ее, видно по тому, как в нем вновь пробуждается желание. Итак, от нас требуется только одно: быть внимательными, чтобы заметить ее, когда она проходит рядом. «Не ценой своих усилий, – пишет Камю в своих „Записных книжках“, – становится человек великим. Величие, если Богу угодно, приходит, как ясный день»²⁰.

Вся наша жизнь зависит от того, заметим ли мы момент, в который красота проходит перед нашими глазами. А как понять, что мы заметили? Из того, что она вдруг распахивает мой взгляд и пробуждает мое желание.

Какая же красота необходима нам больше всего? Предпочтение, высшее предпочтение, которое все мы ждем в нашем опыте, ибо предпочтение есть метод любого пробуждения, любого освобождения, любого рождения человечности, «я».

Один из вас рассказывает: «Год назад мы приняли на работу молодую учительницу начальных классов. Она живет в том же замешательстве, в каком живут и многие другие люди ее возраста, в частности ей свойственна тревога из-за вечной неспособности соответствовать обстоятельствам. На днях она пришла ко мне и призналась, что с начала работы в школе чувствует себя еще хуже, чем раньше, поскольку у нее возникает множество вопросов и открывается множество ран. Значит, ответил я ей, для нее наступил лучший момент жизни, ведь вопросы и раны открываются перед тем, в чем уже в некоторой степени содержится надежда. Она не согласилась и сказала, что раны слишком мучительны и что раньше по крайней мере у нее была броня, а в школе от нее ничего не осталось. После чего она поделилась со мной своей историей и пережитыми невзгодами. Потом она короткое время провела в школе Ньюмена, в том числе и поработав два дня. Вернувшись, она сказала мне: „В школе Ньюмена со мной что-то случилось. Не знаю, что именно. Но окружающие это заметили и говорят мне об этом. Говорят, я стала более довольной и спокойной. Говорят знакомые и близкие. Я тоже вижу, что случилось что-то. Но что? Не говори, что это Бог, поскольку этого я принять не могу“. Я сказал ей не беспокоиться насчет Бога и быть до конца честной по отношению к собственному опыту. Она спросила: „Почему так случилось? Здесь столько неверующих людей, с которыми ничего не произошло. Может, все дело в моей нужде, в моей открытой ране?“».

Красоту, идущую по пустыне наших дорог, улавливает тот, кто действительно нуждается, у кого есть такая рана и такая чистота.

Как же просто признать красоту (то есть очевидность предпочтения, пробуждающего наше «я»), когда случается! Об этом говорится в стихотворении Педро Салинаса: «Когда ты выбрала меня / я выступил из великой всеобщей безличности, из ничто [когда появляется некое «ты», оно словно вытягивает нас из пустоты] <...> / ...когда ты сказала мне: „Ты“, – / мне, да мне, среди всех, / выше звезд / и глубже кораллов я оказался [ты возносишь меня к звездам]. / И моя радость / начала вращаться, / плененная твоим бытием, / в твоём сердцебиении. / Давая мне себя, ты давала мне обладание самим собой. / Я жил, живу. До каких пор? <...> / Потеряв тебя, я буду одним из многих»²¹, ибо это «ты» играет решающую роль в моем становлении собой.

¹⁹ P. Barbaro. *Ah uno sguardo in Una domanda a cui non so rispondere* / A cura di F. Pierangeli // *30Giorni*. N. 11. 2000.

²⁰ A. Camus. *Carnets. 1951–1959*. III. Décembre, 1951. Folio, 2013.

²¹ P. Salinas. *La voz a ti debida y Razón de amor*, 62. Madrid: Castalia, 1969. P. 114–115.

Итак, друзья, главный вопрос в следующем: есть ли что-то, случилось ли в нашей жизни что-то отличное от всего остального, преходящего и не способного удержать нас? «Вот, – пишет Кьеркегор в своем „Дневнике“, – что важно в жизни: однажды увидеть что-то, ощутить нечто столь значительное, столь великолепное, по сравнению с чем любая другая вещь ничтожна, и о чем уже никогда не забудешь, даже если забудется все остальное»²².

И поэтому нужно смотреть на произошедшее с нами, чтобы проверить, не доказало ли что-то свою долговечность, способность сопротивляться опустошению, которое наступает с течением времени. Встретилось ли нам в жизни что-то (кто-то), подтвердившее свою неподвластность времени? Удалось ли чему-то стать в нашей жизни надежным причалом? Вот большой вопрос, и если мы не хотим стать свидетелями того, как все разваливается, каждый из нас должен задавать его себе, глядя на свой личный опыт.

Это «что-то», о котором мы говорим, Монтале называет «непредвиденным»: «Непредвиденное – / вот единственная надежда». Однако многие полагают, что «говорить так – безрассудство»²³. Порой так думаем и мы.

И все же никто не помешает чему-то новому возникать перед нашими глазами, ведь «и в небе и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости»²⁴, если выразиться словами великого Шекспира. Что-то, «чего не могло быть, и вот оно здесь», – говорил в 1968 году отец Джуссани; что-то, чего «не могло быть, потому что мы никогда... [об этом] не думали [и даже не представляли], и вот... [оно] здесь»²⁵.

Раз мы приехали сюда, в Римини, значит, по крайней мере однажды, по крайней мере в один прекрасный момент с нами случилось нечто непредвиденное, захватившее нашу жизнь настолько, чтобы в конце концов привести нас к участию в этих упражнениях. Раз мы приехали сюда, значит, мы все еще открыты возможности встретить то «ты», которое позволило нам выступить из всеобщей безличности и сделало каждого из нас по-настоящему самим собой, единственным в своем роде. Многие из нас ждут повторения этой встречи.

По крайней мере однажды, по крайней мере в один прекрасный момент с нами случилось нечто, по чему мы испытываем ностальгию. Кто-то из вас пишет: «Я думаю о вопросе, который нам прислали. Замечательный вопрос! Ситуация в семье совершенно не меняется, даже напротив, для нее словно медленно роется еще более глубокая яма, в которой все пропадает. Отношения и структуры выглядят прочными, но, кажется, в конце концов и на них нельзя положиться. Нельзя, поскольку никто не может обещать, что не сделает кому-то такого зла, за которое не будет прощения, а в ходе естественного развития вещей даже самая тесная дружба в конечном итоге ранит, или разочаровывает, или оставляет нас в одиночестве. И нет такой структуры, которую зло – наше или других людей – не могло бы развалить, согласно тому или иному идеалу революции или справедливости. И потом, опираться на собственные человеческие силы или на собственную доброту – в высшей степени смехотворно. Честное слово, иногда я смотрю на свою жизнь и вижу огромную могилу. В последнее время я целыми днями чувствую себя именно так. Не менее смехотворно, на мой взгляд, говорить себе: „Прекрасно, сейчас поеду на упражнения, и мне скажут, что выдерживает удары времени, а затем я вернусь домой, и все будет по-другому“. Почему же я еду? Думаю, ради единственной вещи, которую я вроде бы могу назвать постоянной: ради конечной нерушимой притягательности чего-то, что живет в Движении и от чего я не в состоянии оторваться. Я еду, чтобы искать то единственное, по чему я действительно испытываю ностальгию».

²² S. Kierkegaard. *Diario. I (1834–1849)*. Brescia: Morcelliana, 1962. P. 239.

²³ E. Montale. *Prima del viaggio. // Tutte le poesie*. Milano: Oscar Mondadori, 1990. P. 390.

²⁴ В. Шекспир. *Гамлет*. Акт I, сцена V. Пер. М. Лозинского. М.: Искусство, 1960. С. 40.

²⁵ Х. Каррон, Л. Джуссани. *Живет то, что живет в настоящем*. С. 7.

Поэтому, друзья, будем просить, чтобы каждого из нас, независимо от жизненной ситуации, еще раз достигли взгляд Господа и то предпочтение, которое позволило нам заново родиться, чтобы мы могли на опыте познать, насколько драгоценна наша жизнь и что мы не обречены наблюдать, как она скатывается в пустоту.

Итак, попросим, чтобы нас вновь охватило то высшее предпочтение, которого ожидает наше сердце: «Ты дорог в очах Моих»²⁶, – ты, не другой, не кто-то отличный от тебя, ты сейчас, такой, какой ты есть, а не когда изменишься. Сейчас! Ты не обречен на то, чтобы скатиться в ничто.

Инструментом, помогающим исполнить обязательство, о котором мы вас просим в эти дни, служит молчание. Давайте помогать друг другу серьезным отношением – прежде всего к соблюдению молчания. Отец Джуссани говорил: «Фактически мы проводим вместе один день или чуть дольше ради момента большей истинности нашей жизни. Мы принесли немало жертв, очень многие из вас пошли на огромные жертвы, чтобы приехать. Постараемся извлечь из этих дней максимальную выгоду, постараемся получить радость от момента близости к Господу, более совершенной, чем даже лучшие дни в году. Такое обязательство... мы должны взять на себя, чтобы обеспечить по-настоящему благой результат... Инструментом, помогающим исполнить это обязательство, служит молчание. <...> Молчание – это не пустота, ...это молитва, это сознание, что пребываешь перед Богом, ...это просьба». Поэтому и «книги [которые продаются снаружи] тоже можно покупать в молчании»²⁷. «Мы советуем сохранять молчание прежде всего в дороге; полное же молчание должно соблюдаться во время входа в зал, где памяти благоприятствуют музыка, которую мы услышим, и изображения, которые увидим. Так мы настроимся на то, чтобы смотреть, слушать, ощущать умом и сердцем все, что Бог тем или иным образом нам предложит», поскольку то, чем мы занимаемся вместе в эти полтора дня, – не что иное, как проявление великого жеста любви, каким Господь, замечаясь ты это или нет, подталкивает твою [и мою] жизнь в направлении судьбы, которой Он является»²⁸.

Итак, молчание нужно, чтобы хорошо смотреть на вещи (когда у человека язва желудка, он не решает проблему, просто игнорируя ее; язву он носит с собой повсюду, и ее игнорирование лишь делает жизнь тяжелой, невыносимой).

У нас есть возможность быть вместе, смотреть на все без страха, подобно мытарям, которые шли к Иисусу, потому что с Ним они были самими собой, им не нужно было держать какую-то планку, Он обнимал их такими, какими они были.

Молчание (позволим ему хотя бы раз в год пронизать нас насквозь!), молитва, пение, указания, которые мы дадим, – не формальности, а подсказки, помогающие всем нам переживать упражнения с той серьезностью, какой требует жизнь.

Мы можем жить потрясающе, друзья, но этого нужно хотеть.

---

²⁶ Ис. 43:4.

²⁷ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. Milano: Bur, 2018. P. 211–213.

²⁸ L. Giussani. *Dare la vita per l'opera di un Altro*. Esercizi spirituali della Fraternità di Comunione e Liberazione. Rimini, 8–10 maggio 1992 // *CL-Litterae Communionis*. Giugno. 1992. P. 5.